

Россия и Солженицын

Константин КЕДРОВ, «Известия»

«Панславизм погубил Россию» — эта мысль А. И. Солженицына удивит многих, но она родилась давно в результате долгих раздумий над историческими судьбами народов России.

Начиная с XVIII столетия мы считали своим долгом активно вмешиваться во все европейские конфликты, где так или иначе участвовали славяне от Балкан до Польши. В конечном итоге мы получили изнурившую Россию XIX века севастопольскую кампанию и окончательно подорвавшую наши силы первую мировую войну. Не на каждый выстрел в Сараево следовало реагировать всей мощью огромной страны, где подавляющая часть населения жила в нищете.

Со времен Петра I вся Россия только и делала, что ишачила на гигантскую военную машину. Это неизбежно приводило нас к соблазну решать все проблемы только силовыми методами. Мы называли победами военные кампании, где погибало до двух третей армии, а священная столица подвергалась полному разграблению и сожжению. После каждой такой пирровой победы поднималась прямо-таки неистовая пропагандистская кампания, заставляющая следующие поколения забыть о цене победы. «Значит, нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим!».

Вдумывались ли мы в смысл этих слов? «За ценой не постоим» — значит не пожалеем ни своей, ни чужой жизни. А ведь надо жалеть. Каждую каплю русской крови следовало жалеть. Вот почему Лев Толстой, пожалуй, самый мощный союзник Солженицына из мыслителей XIX—XX веков, после севастопольской кампании пришел к шокировавшему многих выводу о том, что зря проливали русскую кровь не только в севастопольской кампании, но и в войне 1812 года. Лев Толстой имел право на эти мысли. Он сам был храбрым офицером, защитником Севастополя.

И Солженицын имеет право на свои выводы — он храбро воевал за свою страну.

Нельзя сказать, что мы ничему не научились после октябрьского переворота и августовской трагедии. Иначе бы уже сейчас не только «День» и «Советская Россия», а все газеты кричали в один голос, что в Югославии «наших бьют», хотя известная слепота была проявлена делегацией Верховного Совета, не разглядевшей на территории Сербии концлагеря, где мучают и убивают мусульман. Слава Богу, синдром Невзорова не сделал нас слепыми на один глаз, дабы видеть, как мучают славян, и не видеть, как истязают хорватов. Стремление делить мир на «наших» и «не наших» отбрасывает нас далеко за пределы даже XIX столетия. К счастью, население России в большинстве своем не приняло танковую дипломатию Крючкова в Прибалтике, как не принимает оно законодательство некоторых государств бывшего СССР, обязывающее население знать не менее двух языков. Некоторые законы о государственных языках просто трагичны. Можно, конечно, постановить, чтобы каждый был полиглотом, а заодно и стройным красавцем — почему бы нет? Делить население на знающих два языка и знающих

только свой, пусть в смягченном виде, но напоминает сортировку на арийцев и не арийцев, на классово чуждых и классово близких.

Трудно не согласиться с Александром Исаевичем в его утверждении, что на смену имперским амбициям России пришли имперские амбиции некоторых новых государств, начавших утверждение своей самостоятельности с подавления национальных автономий внутри себя. Солженицын говорил об этом весной накануне Пасхи, но,

выше всего. Ты ничто, твой народ — все, внушал немцам Гитлер. «Единица вздор, единица ноль», — вещала нам официальная пропаганда языком генерального поэта. Как не поверить!.. И поверили, и сгубили в классовых и мировых войнах десятки миллионов бесценных человеческих жизней. А ведь предупреждал еще Достоевский, что идеи коммунизма обойдутся в сто миллионов жизней. Пожалуй, так оно и будет, если взглянуть в мировом масштабе.

В XIX веке мы не прислушались к Достоевскому. Затем на рубеже веков отвергли пророчество Льва Толстого о грядущей всемирной войне. На исходе XX века прислушаемся же наконец к Солженицыну.

Пусть обвинят меня в мистицизме, но я верю, что душа Достоевского и Льва Толстого как бы продолжила свою жизнь в судьбе Солженицына. Закалившись в адском пламени XX века, она обрела еще большую духовную мощь и силу. Не случайно эта общность с судьбой Достоевского (ссылка, тюрьма, извращение от, казалось бы, неминуемой гибели). Не случайно и сходство уединенности Толстого в Ясной Поляне с уединенностью Солженицына в Вермонте. Двадцатый век словно начался с ухода Толстого из Ясной Поляны, и я очень надеюсь, что завершится он возвращением Солженицына. Есть таинственные знаки судьбы, в которые нужно всматриваться.

Не знаю, сознательно или интуитивно повторил Александр

70 с лишним лет кормили этого молоха своими жизнями, пока он не рыгнул в нас Чернобылем. Чтобы остановить эту машину смерти, мы волею или неволею отдали государству все свои сбережения, отказали себе в летнем отдыхе, лишили детей витаминов. И вот появляется на экране телевизора тихий человек в очках и, не поднимая глаз, ставит нас всех на место, как школьный учитель расшалившихся детшек. Оказывается, мы отказывали себе во всем, чтобы сэкономить для Герценко 700 миллиардов. И он привычным жестом метнет их в раскаленную печь, выплавляющую металл для танков и тут же переплавляющую эти танки в металл для новых танков.

Я не вижу в этом чьей-то злой воли — это все та же инерция имперского мышления, о которой напомнил Солженицын. Три века так поступали. 73 года доказывали школьникам и студентам ленинскую догму о том, что великим называется государство, где много будет чугуна и стали на душу населения в стране. А те государства, где стали мало, а хлеба много, называли слабразвитыми. «Превратим Россию крестьянскую в Россию индустриальную» — вечный лозунг большевиков.

Еще в «Письме к вождям» незадолго до своей насильственной высылки звал Солженицын к глухим кремльцам — повернитесь лицом к реальной России. Хватит гигантов и ново-

па и молота, по внешнему виду весьма похожей на свастику.

Вот тут и надо бы вспомнить уроки февраля. Вся жизнь Солженицына бьется над неразрешимой задачей, ища ответ там, где его, может, и нет. Почему февральская, почти бескровная революция, так похожая на августовскую, потерпела такое ужасное поражение в октябре?

Обратите внимание: несмотря на 73 года непрерывного промывания мозгов, как только представилась возможность проголосовать реально, дружно пришли к избирательным урнам, чтобы сказать «нет» руководящей и направляющей. И сейчас, если впервые реально избранный правитель России воспользуется властью, делегированной ему избирателями и проведет наконец-то выборы в Учредительное собрание, разогнанное большевиками в незабываемом 1918-м, будьте спокойны, от всех этих «жириновских» один только дым останется. Физически желаю им здравствовать и процветать, но политически они давно уже мертвы.

Если Александр Исаевич, к нашей всеобщей радости, приедет в Россию, он воочию увидит, как далеко мы ушли даже за один год свободы. Уже никакие танки, никакие коммерческие структуры, слитые с остатками КГБ, никакими силами не вернут нас к авторитарной власти. Письма, идущие в Вермонт со вполне оправданными жалобами на засилье номенкла-

ской речи Ельцина, и к статье Попова. Но вот послушал Александра Исаевича и понял, что они правы. Может быть, Солженицын имел в виду совсем другое, говоря о необходимости переходного авторитарного периода. Но часто выдающиеся люди произносят пророчества, смысл которых открывается на глазах.

Солженицын считает, что журналисты сначала должны разоблачить агентов в своих рядах, а уж потом писать об «аббатах». С удовольствием разоблачили бы, Александр Исаевич, но не пускают нас под светлые своды Лубянки, водят за нос, допускают лишь к документам десятилетней давности, да и то выборочно.

Без возрождения нравственного, без раскаяния в минувшем не будет у нас человеческой жизни и здоровой экономики. Это утверждение Солженицына для меня так же истинно, как закон всемирного тяготения. Это марксисты твердо уверены, что экономика первична. Первичен человек. Больные люди не построят здоровую экономику с помощью тайных служб, как пытался еще Андропов. Не чужд был этих иллюзий и последний генсек. Но «не приносит дерево гнилое плод добрый».

Вот почему удивило многих, что на пресс-конференции, посвященной августовской победе, президент Ельцин ушел от ответа на прямой вопрос о неизменности структур КГБ. И уж совсем таинственно прозвучали слова о том, что новый закон, представляющий за спецслужбу право на подслушку и перлюстрацию, вполне хороший... С тайными службами всегда связана какая-то тайна. Не следует раздувать этот факт, но информация к размышлению здесь имеется.

Ну вот, скажет иной читатель, опять обещают рай плюс декаднизация всей России.

Да, Александр Исаевич Солженицын, как до него Лев Толстой и Достоевский, считает, что именно в России должна появиться настоящая демократия, лишенная пороков западноевропейского капитализма. Скажу честно, мне это кажется отнюдь не безобидной утопией. И Ленин обещал нам Советские, которые затмят демократичностью все парламенты, и Толстой с Достоевским ждали каких-то чудес от первичной крестьянской общины. Вот и Солженицын говорит о какой-то земской демократии. Но при всем уважении к писателю в это поверить уже невозможно. Пусть для начала будет у нас нормальный европейский многопартийный парламент, как есть у нас наконец-то настоящий президент. Впервые за всю историю России избранной нами, а не назначенной кем-то правитель.

В будущем, когда утвердится в России президентская республика с многопартийным парламентом, вернемся к мечте Льва Толстого и Солженицына, а пока дай нам Бог защитить отвоюванную свободу.

Горе стране, где патриоты и демократы противостоят друг другу вместо того, чтобы, объединившись, окончательно свалить большевизм. Эти слова писателя сказаны в Вермонте с полным доверием к содержанию термина «патриот». Между тем у нас сплошь и рядом патриотами именуются люди, готовые вернуть страну в гражданскую войну ради восстановления красной или белой империи.

Термин «демократ» намного расплывчатее, он, скорее, означает у нас сторонник или не враг реформ.

Я боюсь приставки «лже» после многих сталинских процессов, где эта приставка использовалась против жертв тоталитаризма: лже-патриоты, лже-демократы, лже-наука... Для меня истинные патриоты это такие люди, как Сахаров и Солженицын. А объединяет их при всех различиях то, что оба они настоящие демократы.

РАСПЛАТА ЗА ПОБЕДЫ

увы, осенью во время Успения предостережение писателя стало еще более актуальным.

Хорошая мать не может любить своих детей выборочно, одного больше, другого меньше. Русская интеллигенция никогда не откажется от всемирной любви ко всем народам. Об этой любви сказал в свое время Достоевский на пушкинских торжествах в своей предсмертной речи. Не может быть гуманизма отдельного для грузин, отдельного для осетин, отдельного для абхазцев.

Позиция Достоевского во многом отличалась от позиции Льва Толстого в том же балканском вопросе. Лев Толстой иронизирует над Вронским, едущим на Балканскую войну под крики «ура», заглушаемые зубной болью. Достоевский, увы, взывал в это время к языку пушек. Но итог жизни Достоевского — призыв к всемирному братству.

Солженицын, пройдя сквозь ад второй мировой войны, сталинских лагерей и брежневских идеологических шабашей, остается верен идеалам Льва Толстого и Достоевского. А ведь как можно было озлобиться и сколько из нас озлобилось на всю жизнь. Кто на отдельных людей, кто на целые народы.

Я думаю, что многие, очень многие постараются пропустить мимо ушей или замолчать антиимперскую позицию Солженицына. Его патриотизм никак не похож на патриотизм весьма популярный и занимательных романов Валентина Пикуля.

Ведь не случайно говорит Александр Исаевич о полной бессмысленности той же семилетней войны в XVIII веке, когда мы неизвестно зачем семь лет воевали среди Европы; за чем-то взяли Берлин и, не получив от всего этого ни малейшей пользы, загубив тысячи русских жизней, не солоно хлебавши вернулись домой.

Исаевич одно из самых глубоких высказываний Герцена о России. Покидая пределы империи, по пути в Европу Герцен увидел курную избу. Вид ее потряс воображение писателя. Сколько войн, сколько великих событий прошло мимо этой курной избы, никак не улучшив жизнь ее обитателей.

Шли мимо войска Петра I прорубая окно в Европу. Шли войска Наполеона сначала туда, потом обратно. Совершались великие победы русского оружия, расширялись пределы империи. И только в курной избе все так же топилы без дымохода, все так же перебивались с хлеба на квас.

В этом увидел Герцен коренное отличие истории Западной Европы от России. В Европе любая военная победа, реформа, революция что-нибудь да приносит местному населению. Расширились права личности, отдавалась земля крестьянам, оживлялись промышленность и торговля. У нас же, что победа, что поражение, что революция, что реформа не оставляют никакого следа. Как жили в «курной избе», так и продолжаем в ней жить.

Нечто подобное слышим мы в «Воине и мире» Толстого. Идут русские солдатики по полям Европы, поют бравые солдатские песни и вдруг затихли. Еще бы не затихнуть: крыши крестьянских домов крыты не соломою, а черепицей, все сияет чистотой, крестьяне одеты нарядно, вельсесы и рюманы. Сравнили солдаты эту жизнь со своей и призадумались.

Когда Солженицын говорит об абсурдности имперской политики России начиная с XVIII века, он видит то же, что увидели Толстой и Герцен. Мощь ради мощи, армия ради армии, победа «любой ценой» ради самой победы — все для государства, все для империи и ничего для человека.

Вот и сейчас нас заставляют расплачиваться новым витком инфляции ради новых кредитов всепожирающему ВПК и поистине «тяжелой» индустрии. Продолжая худшие традиции дореволюционной России, мы

строим. Уютные дома с палисадниками, сад, огород — вот что нужно живой России. Так называемая провинция — это и есть подлинная, живая Россия. Отсюда приходят Циолковские и Лесковы. Здесь растет чеховский вишневы сад, так безжалостно вырубавший нынешними Лопухинскими.

Конечно, не послушали тогда Солженицына. Сегодня, когда едва ли не вся «многоэтажная Америка» стремится переселиться в уютные дома с газонами, невольно вспомнили палисадники Солженицына.

Неожиданное для многих утверждение Александра Исаевича о том, что никакая демократия невозможна, пока насковь политизированные столицы доминируют над провинцией, пока она ошеломляет. Триста лет такое положение казалось нам в порядке вещей. Были, конечно, и несогласные, тот же Лев Толстой, например, утверждавший, что индустриальный путь развития гублен не только для России, но и всему миру не сулит ничего хорошего. А стало быть, равняться надо не на столицы, а на простую крестьянскую жизнь. Конечно, во взглядах Толстого были и крайности, и иллюзии, которых у Солженицына уже нет, хотя многолетняя недобровольная оторванность от российской жизни все-таки приводит к неизбежной идеализации.

Не та уже провинция. Не та. Многочисленные опросы показывают, что именно в провинции глубже, чем где бы то ни было, угнездились коммунистические догмы и социалистические иллюзии. Сам Александр Исаевич говорит о множестве писем из глубины России, где люди буквально стонут под властью все тех же коммунистических языков, сменивших после августа вывески своих кабинетов. Мы это и без писем знаем. Удалось ведь многим председателям колхозов и директорам совхозов взбаламутить крестьян в самом разгаре уборочной страды. Вышли они на площади наших городов, увы, все с теми же красными флагами, с портретами Сталина, с эмблемой сер-

туры, как раз свидетельствуют о том, что люди уже никогда не смиряются с былым порядком вещей.

Ведь играли же на всех наших чувствах красные провокаторы: и на патриотизме (погибла-де Россия), и на подавленности после путча (сейчас плохо, а будет еще хуже), и на страхе (Наталья Дмитриевна видела, как они у Останкина стеной стояли и кулаками грозили) — не помогло. И не поможет уже никогда.

К счастью, сегодня не 1917-й а 1992-й. Цивилизованный мир, вовлеченный в мировую войну, не мог да и не хотел помочь России, сбросившей с плеч монархию. Сейчас расклад иной. Никто не тешит себя иллюзией, что тоталитарный режим в России не затронет другие страны. Гитлер и Сталин научили многому. Россия спасет себя сама, но уже не в былом вражеском окружении входим мы узкими воротами в цивилизованный мир. Ни из Финляндии, ни из Швейцарии, ни из Германии не привезут нам в запломбированном вагоне очередного диктатора.

У власти ли сейчас демократы? Нет, в один голос говорят Солженицын и, как ни странно, сами демократы. Так уж случилось, что фильм об Александре Исаевиче вышел на экран вскоре после августовской речи президента и обстоятельной статьи Гавриила Попова. Удивительно сходство выводов. Ельцин говорит, что после августа главная опасность была — ринуться в новую революцию: «Еще одного Октября Россия просто не выдержит». Но ведь как раз этого и боится Александр Исаевич. Нужен переходный авторитарный режим, стремящийся к демократии. Но ведь именно таков нынешний политический строй России, утверждающий экс-мэр Москвы Гавриил Попов. После августа к власти пришли не демократы, а умеренная номенклатура, освободившаяся от большевистских иллюзий. Именно это гарантирует нам относительную стабильность.

Признаться, я скептически отнесся поначалу и к августов-